ческое значение, поскольку „духовная“ была призвана опровергнуть распространенное в то время мнение о том, будто Киевскую Русь населял „народ дикой, препровождающий жизнь кочевую, без законов, без наук“. Наоборот, „духовная“ показывает, что „были в отечестве нашем в самых отдаленных временах премногие города в состоянии цветущем“; что „предки наши законами управлялись“; что „мы видим у праотцев наших нравоучение в самом совершенстве“; что „праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно о них заключить, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче, чтоб на природном своем худо изъяснялись“ (едкий намек на господствовавшую в то время среди русского дворянства галломанию, — *И. Б.*);[1] что „великие наши князи, при всей их тогдашней пышности, были весьма хорошие хозяева“. Наконец, „Духовная сия показывает, что российские князи не только воевали порядочно, но с крайним соблюдением воинских правил“.[2] Впервые как исторический источник использовал „Поучение“ Н. М. Карамзин, и с тех пор оно прочно вошло в научный оборот, являясь предметом изучения историков и литературоведов.

„Поучение“ — сложный памятник. Уже А. И. Мусин-Пушкин отметил, что оно включает в себя самостоятельное, не связанное с другими частями „Поучения“, письмо к Олегу Святославичу.[3] И. М. Ивакин насчитывает в „Поучении“ следующие части: собственно „Поучение“, письмо к Олегу Святославичу, молитву, гадальные выписки из Псалтыри, выписки из правил Василия Великого и неизвестно откуда взятое обращение к богородице, отрывок от слов „то есть человек“ до слов „да будет проклят“.[4] В. М. Истрин делит „Поучение“ на четыре части: „Поучение“, небольшие выписки религиозно-нравственного содержания, письмо к Олегу, особая молитва.[5] Примерно этой схемы придерживаются и другие исследователи.

Иначе смотрит на дело В. Л. Комарович, который считает, что незачем обеднять памятник и искусственно расчленять его на отдельные произведения. По мнению В. Л. Комаровича, за исключением письма к Олегу Святославичу, „все остальное вернее и проще рассматривать как единое и цельное произведение самого Владимира Мономаха... Одно с другим — традиционная дидактика с личной исповедью, автобиография с поучением — сплетено в его «грамотице» от начала и до конца с чисто авторской нерасчлененностью“.[6]

Независимо от их взаимной связи, для нас представляют интерес все части, объединенные в летописи общим названием „Поучение“,

---

[1] По свидетельству К. Ф. Калайдовича, это место „Предуведомления“ доставило А. И. Мусину-Пушкину много недоброжелателей. Спустя 20 лет после издания „Поучения“ (в декабре 1813 года) А. И. Мусин-Пушкин писал К. Ф. Калайдовичу, что, издавая „Поучение“, он имел единственную „цель показать отцев наших почтенные обычаи и нравы (кои модным французским воспитанием исказилися)... Сии примечания причинили мне много неприятностей, и не одни французы (к сожалению) меня у Двора бранили“ (Записки и труды Общества истории и древностей российских, ч. II. М., 1824, отд. II, стр. 29).

[2] Духовная..., стр. V—VI.

[3] „Вероятно, что сие письмо писано было к Олегу в свое время и отнюд не принадлежало к завещанию оному, но летописатель, имея и то и другое в руках, счел за одно сочинение и вместил оба в летопись свою под главу“ (там же, прим. 83 на стр. 50).

[4] В. М. Ивакин, ук. соч., стр. 1.

[5] И. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. Пгр., 1922, стр. 166.

[6] История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 289, 291.